

- [Гилберт Кийт Честертон](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кийт Честертон

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МИСТЕРА ВОДРИ

Сэр Артур Водри, в светло-сером летнем костюме и своей любимой белой шляпе, которая на его седой голове выглядела слишком смело, бодро прошагал по дороге вдоль реки от своего дома к нескольким домишкам неподалеку, которые были почти его собственными службами, и там, среди них, вдруг пропал, словно его унесли феи.

Его исчезновение было тем более поразительным, что произошло при самых обыденных и невероятно простых обстоятельствах. Ту горстку домиков даже трудно было бы назвать деревней — это была одна-единственная и до странности ото всего отъединенная улочка. Посреди плоской и открытой равнины цепочкой выстроились четыре-пять лавчонок, служивших нуждам соседей — нескольких фермеров да обитателей усадьбы. На углу стояла лавка мясника, у которой, судя по всему, в последний раз и видели сэра Артура.

Видели же его там двое молодых людей, тоже из усадьбы:

Ивен Смит, исполнявший обязанности его секретаря, и Джон Дэлмон, как считали, жених его воспитанницы. Дальше стоял магазин, который, как часто бывает в деревнях, совмещал самые различные функции: неприметная пожилая женщина торговала там бумагой, клеем, веревками, тростями и сладостями, мячами для гольфа и залежалой галантереей. Следующим был табачный магазин, куда и направлялись те двое молодых людей, когда в последний раз мельком видели своего хозяина перед мясной лавкой. Потом шла обшарпанная портняжная мастерская, которую держали две женщины, а завершала улочку бесцветная и вылизанная закусочная, где прохожему предлагали огромные бокалы тускло-зеленого лимонада. Поодаль, на некотором расстоянии по дороге, стояла единственная на всю округу пристойная и достойная этого названия гостиница. Между нею и деревушкой был перекресток; находившиеся там в это время полицейский и служащий автомобильного клуба оба утверждали, что сэр Артур не проходил мимо них.

Был очень ранний час лучезарного летнего дня, когда он беззаботно вышел из дома, помахивая тростью и похлопывая желтыми перчатками. Он был щеголь хоть куда — этот джентльмен, пожилой, но, для своего возраста, очень крепкий и энергичный человек. Подвижность его и сила

как будто не убывали с годами: даже волнистые волосы казались просто белокурыми и лишь похожими на седину, а вовсе не изжелта-седыми. Гладко выбритое лицо выделялось мужественной красотой, и нос с высокой переносицей делал его похожим на герцога Веллингтона. Но самой выдающейся особенностью его лица были глаза, причем не только в переносном смысле слова: очень выпуклые, почти навывкат, они, пожалуй, одни только и портили правильность черт. Губы же были нервные, плотно сжатые, будто даже несколько нарочито. Он был крупнейшим землевладельцем округа, и эта деревушка принадлежала ему. В таких местах все не только знают друг друга, но и знают обычно, кто где в данное время находится. Сэр Артур мог дойти до деревни, сказать, что нужно, мяснику или еще кому угодно, и вернуться в усадьбу в течение получаса, как те двое молодых людей, которые ходили купить сигарет. Однако же на обратном пути они никого не видели; в пределах видимости не было ни души, если не считать некоего доктора Эббота, также гостившего у сэра Артура, — он сидел на берегу реки, широкой спиной к ним, и терпеливо удил рыбу.

Когда все трое гостей вернулись домой к завтраку, они как-то не обратили внимания на затянувшееся отсутствие хозяина. Но час проходил за часом, он раз и другой не вышел к столу, и они, естественно, с удивлением отметили это обстоятельство, а Сибилла Грей, которая была в доме за хозяйку, стала тревожиться всерьез. В деревню на розыски отправлялась одна экспедиция за другой, но они не находили никаких следов; наконец, когда спустилась темнота, усадьбу охватил настоящий испуг. Тогда девушка послала за отцом Брауном, старым своим знакомым, который когда-то выручил ее в трудную минуту, и он, видя, что положение скверно, согласился остаться в доме на случай, если понадобится его помощь.

Наступил рассвет следующего дня — ничего нового не произошло; в это время отец Браун был уже на ногах и бдительно наблюдал. Его черная приземистая фигурка виднелась на садовой дорожке по-над берегом реки; он двигался там взад и вперед и близорукими, как будто сонными глазками озирал окрестность.

Он увидел, что по берегу ходит, причем не менее беспокойно, еще один человек, и окликнул его по имени. Это был Ивен Смит, хозяйский секретарь, высокий и белокурый; он казался весьма удрученным, что было бы и неудивительно в эти тревожные часы, однако в нем и всегда было что-то тоскливое. Возможно, это особенно бросалось в глаза потому, что он обладал сложением и повадкой атлета, а также львиной масти волосами и

усаами, которые сопутствуют (непрерывно — в романах, а иной раз — и в действительности) прямодушью и жизнерадостности «молодого англичанина».

Но вид у него был измученный, а глаза глубоко запали, что не вязалось с высоким ростом и романтической шевелюрой и накладывало на его облик зловещую печать. Впрочем, отец Браун вполне дружелюбно улыбнулся ему, а затем сказал — уже более серьезно:

— Как это все тяжело!

— Особенно тяжело для мисс Грей, — угрюмо отвечал молодой человек. — И я не вижу причин скрывать, что именно это и тяготит меня больше всего, пусть девушка и помолвлена с Дэлмоном. Вы поражены?

Отец Браун как будто не был особенно поражен, но лицо у него и вообще было маловыразительным. Он лишь мягко заметил:

— Мы все, естественно, разделяем ее тревогу. Нет ли у вас новостей или своих собственных соображений по поводу этой истории?

— Новостей, собственно, никаких, — ответил Смит, — по крайней мере, из внешнего мира. А соображения... — Он замялся и подавленно замолчал.

— Я был бы очень рад выслушать ваши соображения, — твердо сказал священник и нахмурил брови, отчего его глубоко сидящие глаза погрузились в тень.

— Что ж, будь по-вашему, — помолчав, сказал молодой человек. — Все равно кому-нибудь придется рассказать, а вам, мне кажется, можно довериться.

— Вы знаете, что произошло с сэром Артуром? — спросил Браун так спокойно, как будто речь шла о чем-то самом незначительном.

— Да, — жестко отвечал секретарь. — Полагаю, что знаю.

— Чудесное утро! — перебил его приятный голос совсем радом. — Какое чудесное утро и какой печальный разговор!

Секретарь дернулся так, точно его подстрелили, а на тропинку, ярко освещенную уже высоким солнцем, легла обширная тень доктора Эббота. Он был еще в халате; этот роскошный восточный халат, весь в красочных цветах и драконах, походил на пышную клумбу, возвращенную под пышущим солнцем тропиков. На ногах у него были широкие комнатные туфли без каблуков, поэтому он, несомненно, и подошел к ним совершенно неслышно. Столь невесомое, прямо-таки воздушное появление никак не вязалось с его наружностью, ибо это был очень крупный, дородный человек; его энергичное и доброжелательное лицо покрывал густой загар и обрамляли буйно разросшиеся старомодные седые бакенбарды, а

патриархальную голову украшала роскошная седая волнистая грива. Длинные глаза-щелки казались сонными; да и в самом деле, пожилому человеку вставать было еще рановато. Впрочем, выглядел он одновременно и потрепанным и закаленным, словно старый фермер или капитан корабля, которому не раз приходилось противостоять суровым ветрам. Из всех гостей он был единственным старым другом и ровесником сквайра.

— Происшествие просто ни на что не похожее, — сказал он, качая головой. — Эти домишки в деревне — они как кукольные, со всех сторон насквозь все видно; там никого не спрячешь, даже если захочешь. Да никто и не хотел, я уверен. Мы с Дэлмоном вчера учинили там расследование. Это в основном тихие старые женщины — такие и мухи не обидят. Мужчины почти все сейчас в поле, остался только мясник, но ведь видели, как Артур вышел от него. А на берегу реки по пути сюда ничего не могло случиться, я сам сидел там с удочкой весь день.

Тут он взглянул на Смита, и в его прищуренных глазах, прежде как будто лишь сонных, мелькнуло лукавство.

— Ведь вы с Дэлмоном можете подтвердить, — прибавил он, — что видели меня там и когда шли туда, и когда возвращались?

— Да, — коротко ответил Смит, которому, видимо, не терпелось продолжить прерванную беседу.

— Единственное, что приходит мне в голову... — неторопливо продолжил было доктор, но тут его, в свою очередь, тоже прервали. Через зеленую лужайку, между веселыми цветочными клумбами, шагал человек, одновременно крепкий и легкий в движениях, — это был Джон Дэлмон; он держал бумажку. Он был аккуратно одет, смуглое лицо было квадратно, как у Наполеона, а глаза — очень печальны, так печальны, что казались почти мертвыми. Он был еще довольно молод, но черные волосы преждевременно поседели на висках.

— Я получил телеграмму из полиции, — сказал он. — Я телеграфировал туда вчера вечером, и они сообщают, что немедленно пришлют человека. Вы не знаете, доктор Эббот, с кем бы нам следовало связаться теперь? Может быть, с родственниками или кем-нибудь еще?

— Да, конечно, у него есть племянник, Верной Водри, — ответил старик. — Пойдемте, я дам вам адрес и... и еще кое-что расскажу о нем.

Доктор Эббот и Дэлмон направились к дому, и когда они отошли на достаточное расстояние, отец Браун проронил так, точно их и не прерывали:

— Итак?

— Как вы хладнокровны, — заметил секретарь. — Это, наверно,

оттого, что вы привыкли выслушивать исповеди.

Вот и я тоже вроде бы собираюсь исповедаться. Конечно, когда такой слон подползает к вам сзади, как змея, то места для исповедальное™ уже не остается. Но раз уж я начал — буду продолжать, хотя в сущности эта исповедь вовсе и не моя. — Он остановился на мгновение, хмурясь и подергивая ус, а затем без предисловий заявил:

— По-моему, сэр Артур просто сбежал. И по-моему, я знаю, почему.

Последовало молчание, а затем он опять воскликнул:

— Понимаете, я в гнуснейшем положении: многие скажут, что я поступил гнусно. Я оказываюсь в роли доносчика и дряни, хотя, по-моему, я лишь выполняю свой долг.

— А вы будьте судьей, — веско ответил отец Браун. — Ну, так в чем же ваш долг?

— Роль моя неприглядна тем, что я вынужден наговорить на своего соперника, притом соперника счастливого, — горько проговорил молодой человек. — Только мне больше ничего не остается. Вы спросили о причинах исчезновения Водри. Я совершенно убежден, что эта причина — в Дэлмоне.

— Не хотите ли вы сказать, — спросил священник хладнокровно, — что Дэлмон убил сэра Артура?

— Ах, нет! — с неожиданной горячностью воскликнул Смит. — Тысячу раз нет! Ни в коем случае, что бы еще другое он ни сделал! Он-то никак не убийца. Лучшего алиби, чем у него, не придумаешь: его свидетель — человек, который его ненавидит. Мне ли клясться в любви к Дэлмону, но я могу заявить любому суду, что вчера он просто не мог ничего сделать со стариком. Мы были с ним вместе весь день; в деревне он купил сигареты, здесь курил их и читал в библиотеке — и больше ничего. Нет, по-моему, он преступник, но Водри он не убивал. Я даже больше скажу: именно потому, что он преступник, он Водри не убивал.

— Так, — терпеливо вставил священник, — и что же это значит?

— Видите ли, — отвечал секретарь, — его преступление совсем другое. И для успеха необходимо, чтобы Водри был жив.

— Понимаю... — задумчиво проронил отец Браун.

— Сибиллу Грей я знаю хорошо, и ее характер играет в этой истории важную роль. Это натура деликатная — в обоих смыслах этого слова: и благородная, и чувствительная.

Она из тех невероятно совестливых людей, у которых не вырабатывается защитной привычки или спасительного здравого смысла. Она почти до безумия чувствительна и вместе с тем совершенно лишена

эгоизма. Жизнь у нее сложилась необычно: она осталась буквально без гроша, точно подкидыш, сэр Артур взял ее к себе и очень о ней заботился, что многих удивляло, потому что это, по совести говоря, мало на него похоже. Но накануне ее семнадцатилетия все разъяснилось, и она была потрясена: опекун сделал ей предложение. Дальше начинается самое необыкновенное в этой истории. Сибилле было откуда-то известно (я подозреваю — от старика Эббота), что сэр Артур в своей бурной молодости совершил преступление или, по крайней мере, очень неблагоприятный поступок, из-за которого у него были большие неприятности. Не знаю, что там было такое. Но для девушки в нежном, чувствительном возрасте это превратилось в кошмар; благодетель стал в ее глазах чудовищем, во всяком случае, настолько, что не могло быть и речи о таких близких отношениях, как брак. То, как она ответила, до невероятия свойственно ей. С беспомощным страхом — и героическим бесстрашием — она сама, дрожащими губами, сказала всю правду. Она признала, что ее отвращение, возможно, болезненно; она созналась в нем как в тайном безумии. К ее удивлению и облегчению, он принял отказ спокойно и учтиво и больше, по видимому, к этой теме не возвращался. А последующие события еще больше убедили ее в великодушии старого опекуна.

В ее одинокую жизнь вошел еще один, такой же одинокий человек. Он поселялся время от времени отшельником на острове выше по реке и, может быть, привлек ее внимание этой таинственностью, хотя, конечно, он и без того довольно привлекателен: он человек воспитанный и остроумный, хотя и очень печальный; впрочем, это, пожалуй, только придавало ему романтичности. Это, разумеется, был Дэлмон. Я по сей день не знаю, насколько благосклонно в действительности она отнеслась к нему, но, так или иначе, он получил разрешение встретиться с ее опекуном. Можно представить себе, с каким мучительным страхом ждала она этой встречи и гадала, как воспримет появление соперника старый селадон. Но она опять убедилась, что она несправедлива к своему опекуну. Он принял молодого человека с сердечным радушием и, казалось, был в восторге от складывающейся партии. Они с Дэлмоном вместе ходили на охоту и рыбную ловлю и были в наилучших отношениях, когда однажды ей пришлось пережить новое потрясение. Как-то в разговоре Дэлмон обмолвился, что старик «за двадцать лет почти не переменялся». Так ей вдруг открылась правда об их удивительной дружбе. И это нынешнее их знакомство, и сближение были притворством: они явно были знакомы и раньше. Потому-то молодой человек и заявился в эти места столь скрытно. Потому-то старый опекун с такой готовностью помогал устройству брака.

Ну, и на что это, по-вашему, похоже?

— На что это похоже по-вашему, я знаю, — улыбнулся отец Браун. — Что ж, вполне логично. На прошлом Водри лежит какое-то пятно. Тут появляется таинственный пришелец, который ходит за ним, как тень, и добивается всего, чего захочет. Короче говоря, вы считаете, что Дэлмон — шантажист?

— Совершенно верно, — ответил его собеседник, — как это мне ни гадко.

Отец Браун задумался на минуту, а затем сказал:

— Пойду-ка я поговорю с доктором Эбботом.

Час или два спустя он вышел из дома. Возможно, он и беседовал там с доктором, только появился он в обществе Сибиллы Грей, бледной девушки с рыжеватыми волосами и тонким, почти хрупким профилем. Увидев ее, можно было поверить словам молодого человека о ее необыкновенном чистосердечии. Тут на ум невольно приходили и леди Годива, и сказания о непорочных мученицах; лишь скромные люди могут отбросить стыдливость, когда велит совесть.

Смит пошел им навстречу, и с минуту они разговаривали, стоя посреди лужайки. С самого рассвета не было ни облачка на небе, и теперь оно дышало зноем и ослепительно сверкало; однако священник не расставался со своим зонтиком, похожим на бесформенный черный ком, и шляпой, напоминавшей черный зонтик, да и вообще он словно застегнулся на все пуговицы в предвидении бури. Но возможно, он лишь невольно производил такое впечатление, возможно также, что он предвидел бурю нематериальную.

— Как отвратительно, — говорила удрученная Сибилла, — что уже пошли разные толки да пересуды. Все друг друга подозревают. Джон и Ивен хоть могут быть свидетелями друг для друга. Но у доктора Эббота произошла гадкая сцена с мясником, который думает, что обвинят его, и поэтому сам всех обвиняет.

Ивен Смит нервничал и наконец не выдержал:

— Послушайте, Сибилла, многое пока непонятно, но, кажется, все это вообще пустое. Дела, конечно, прескверные, но нам представляется, что никакого э-э... насилия не было.

— Значит, у вас есть уже теория? — Девушка метнула взгляд на священника.

— Меня ознакомили с одной теорией, — ответил тот, — и весьма убедительной, по-моему.

С сонным видом он смотрел в сторону реки, а Смит и Сибилла завели

между собою, не повышая голоса, быстрый разговор. Священник, глубоко задумавшись, побрел по берегу. В одном месте берег выступал небольшим навесом, и на нем примостилась поросль молодых деревьев. Жаркое солнце пронизывало жиденький полог мелкой листвы, колыхавшейся, словно зеленые язычки пламени, и все птицы расшебетались так, будто у каждого дерева было сразу тысяча языков. Через минуту или две Ивен Смит услышал, как из зеленой гущи его тихонько, но вполне отчетливо зовут по имени. Он было сделал несколько шагов в том направлении, но отец Браун уже сам вынырнул оттуда и, понизив голос, сказал:

— Сделайте так, чтобы дама не ходила сюда. Лучше бы она вообще ушла. Позовите ее к телефону или придумайте сами что-нибудь, а потом возвращайтесь.

Смит повернулся к девушке, отчаянно стараясь быть беспечным, и что-то ей сказал, но ее нетрудно было занять чем-нибудь нужным для других. Она скоро вернулась в дом, а Смит последовал за отцом Брауном, который опять скрылся в густых зарослях. Там, за деревьями, было что-то вроде крошечного овражка, где поверхностный слой почвы провалился и оказался вровень с песчаным берегом реки. Браун стоял на краю этой ямы и смотрел вниз, причем — случайно ли, сознательно ли, но шляпу он держал в руке, хотя солнце немилосердно пекло ему голову.

— Лучше, чтобы вы увидели это сами, — с трудом проговорил он, — как возможный свидетель. Только предупреждаю — будьте готовы.

— К чему? — спросил секретарь.

— К самому страшному, что я видел в своей жизни.

Ивен Смит подошел к краю обрыва, и ему стоило труда подавить крик или, скорее, вопль. Снизу на него глядел, ухмыляясь, сэр Артур Водри; его лицо было обращено вверх, так что на него можно было наступить. Голова была запрокинута назад, копна желтовато-седых волос оказалась под самыми их ногами, и Смит видел лицо в перевернутом виде.

Такое могло привидеться только в кошмаре, когда грезятся люди с головами набекрень. Что же он здесь делал? Можно ли вообразить, чтобы сэр Артур ползал по каким-то рытвинам и промоинам в такой неестественной позе, прятался да еще скалился оттуда? Тело казалось горбатым и кособоким, будто его изувечили. Правда, вскоре стало ясно, что дело тут в искажении видимых пропорций сведенных вместе рук и ног. Что, если он безумен? Сошел с ума? Смит все смотрел на него, и все более застывшей казалась ему эта фигура.

— Вам отсюда не видно, — сказал отец Браун, — но у него перерезано горло.

Смит содрогнулся.

— Да уж, верно, ничего ужасней в жизни не увидишь, — выговорил он. — Это оттого, что лицо перевернуто. Я видел это лицо за завтраком, за обедом каждый день, лет десять подряд, всегда такое приятное, любезное. А вот переверните его, и перед вами суций дьявол.

— И ведь он действительно улыбается, — спокойно и рассудительно сказал Браун, — это озадачивает само по себе. Люди не часто улыбаются, когда им перерезают глотку, даже если они сами перерезают ее. Несомненно, это жуткое впечатление вызывает усмешка в сочетании с глазами навывкат. Но что верно, то верно — вверх ногами все предстает в ином виде. Художники часто переворачивают рисунки, чтобы проверить их точность. Иногда, если трудно перевернуть сам объект (скажем, гору), они даже становятся на голову или хотя бы наклоняются и смотрят на картину, раздвинув ноги.

Священник говорил легкомысленным тоном, чтобы успокоить нервы молодого человека, но заключил он уже более серьезно:

— Я вполне понимаю, как вы расстроены. К несчастью, расстроилось и еще кое-что.

— Что вы имеете в виду?

— Расстроилась вся наша безупречная теория, — ответил Браун и стал осторожно спускаться по склону на узенький песчаный берег реки.

— Однако может статься, что он покончил с собой, — вдруг сказал Смит. — В конце концов это ведь тоже бегство, и тогда все вполне согласуется с нашей теорией. Ему нужно было спокойное место, он пришел сюда и перерезал себе горло.

— Нет, — возразил священник, — он, во всяком случае, попал сюда не при жизни и не по земле. Его убили не здесь: слишком мало крови. Солнце уже изрядно высушило волосы и одежду, но сохранилось два следа от волн. Как раз сюда доходит морской прилив, который образует водоворот, — он втянул тело в эту заводь, где оно и осталось потом, когда прилив стал спадать. Но сперва его должно было принести по реке, как можно догадаться, от деревни, поскольку она задворками выходит на берег. Нет, бедняга Водри нашел смерть в деревне. Я все-таки не допускаю, что он покончил с собой; но вот вопрос — кто и как мог убить его в этом крошечном селеньице?

Он принялся чертить на песке своим неказистым зонтиком.

— Давайте-ка подумаем. В каком порядке стоят там лавки? Первая — это лавка мясника. Конечно, мясник с огромным секачом вроде бы вполне подходит на роль убийцы. Но вы же сами видели, как Водри вышел от него;

да и трудно себе представить, что он смиренно стоит перед прилавком, пока мясник говорит: «Доброе утро. Позвольте, я вам перережу горло. Благодарю вас. Что вам еще угодно, сударь?» Сэр Артур не похож на участника такой сцены, да еще с приятной улыбкой на устах. Он был человеком сильным и решительным, с неукротимым нравом. Кто же еще, кроме мясника, мог бы с ним справиться? В следующей лавчонке сидит пожилая женщина. Ее сосед, торговец табаком, разумеется, мужчина, но, как я слышал, он очень робок. Дальше идет портняжная мастерская, портнихи там — две старые девы; а потом — нечто вроде закуской, хозяин которой как раз сейчас в больнице и оставил дела на свою жену. Есть еще двое-трое деревенских парней — приказчиков да рассыльных, — но и их послали куда-то с поручением. Закусочной улица заканчивается. А по дороге к гостинице стоял полисмен.

Он поставил концом зонта точку на своем чертеже там, где был полицейский пост, и задумался, вперив взгляд в речную даль. Потом он сделал неопределенный жест рукой и, шагнув в сторону, наклонился к мертвому телу.

— А-а! — протяжно выдохнул он, выпрямляясь. — Табачник! Как же я не подумал о табачнике!

— Что с вами? — несколько раздраженно спросил Смит, поскольку отец Браун нелепо вытаращил глаза и что-то забормотал; слово «табачник» он произнес так, будто нашел в нем какое-то зловещее значение.

— Вы не заметили, — помолчав, спросил священник, — чего-нибудь особенного у него в лице? — И указал Смиуту на труп.

— Отцы святые! Особенного? — воскликнул Ивен, передернувшись от ужаса. — Ничего себе, если у человека перерезана глотка...

— Я сказал — в лице, — спокойно поправил священник. — И кроме того, вы заметили, что у него порезан палец?

— Ну, это к делу отношения не имеет, — быстро ответил Ивен. — Это произошло раньше и совершенно случайно. Он поранился разбитым чернильным пузырьком, когда мы работали вместе.

— Нет, все-таки и это имеет отношение к делу, — возразил отец Браун.

Они долго молчали, и священник понуро бродил по песку, волоча за собою зонт, и время от времени бормотал слово «табачник», пока от самого его звука у Смита по телу не забегали мурашки. Потом он вдруг поднял зонт и указал им на лодочную будку в камышах.

— Скажите, это хозяйская лодка? — спросил он. — Покатайте-ка меня немного. Мне нужно взглянуть на эти домики со стороны реки. Времени терять нельзя: тело могут обнаружить, но придется рискнуть.

Смит уже правил вверх по реке в сторону деревни, когда отец Браун снова заговорил:

— Кстати, я разузнал у доктора Эббота, что за проступок числится за беднягой Водри. Началось с того, что какой-то египетский чиновник оскорбил его, сказав, кажется, что порядочному мусульманину с англичанами, как и со свиньями, делать нечего, хотя свиньи все же лучше, — словом, была какая-то бестактность. Что бы там ни случилось в действительности, но ссора возымела продолжение несколько лет спустя, когда тот чиновник оказался в Англии. Водри, обуреваемый гневом, приволок его в свинарник на какой-то усадьбе, затолкал туда, сломав ему руку и ногу, и бросил до утра. Разумеется, вышел скандал, но многие считали, что Водри действовал в простительном порыве патриотизма. Однако не может же человек из-за этого молчать десятки лет и смертельно бояться шантажа.

— Значит, вы полагаете, что эта история никак не связана с тем, над чем мы сейчас думаем? — задумчиво спросил секретарь.

— Я полагаю, что эта история донельзя близко связана с тем, над чем думаю сейчас я, — ответил Браун.

Они плыли в это время вдоль невысокой стенки; за нею, от домиков деревни к реке, спускались по крутому склону грядки огородов.

Отец Браун внимательно пересчитал дома, подняв острый зонтик, и когда дошел до третьего дома, то снова проговорил:

— Табачник! Что, если табачник?.. Впрочем, буду уж действовать, как подсказывает догадка, а там посмотрим.

Скажу только, что показалось мне странным в лице сэра Артура.

— Что же? — спросил его товарищ, перестав на несколько секунд грести.

— Он всегда очень следил за собой, — сказал отец Браун, — а сейчас выбрит лишь наполовину. Давайте-ка тут причалим. Лодку можно привязать к этому столбу.

Через минуту или две они уже перелезли через низенькую стенку и взбирались по крутой булыжной дорожке между грядок с овощами и цветами.

— Видите — табачник выращивает картофель, — говорил отец Браун. — Тут, можно сказать, витает дух сэра Уолтера Рэли. Вон сколько и картошки, и картофельных мешков. Деревенские торговцы не совсем еще порвали с крестьянскими привычками; они часто совмещают в хозяйстве два-три занятия. У табачников в деревне очень часто есть еще одно ремесло, но я как-то не подумал об этом, пока не рассмотрел подбородка

Водри. В девяти случаях из десяти их лавку называют табачной, но одновременно это еще и парикмахерская. Водри порезал руку и не мог побриться сам — вот почему он пошел сюда. Это вам ничего не подсказывает?

— Подсказывает, конечно, и много чего, — ответил Смит. — Но вам, наверно, это подсказывает гораздо больше.

— Не подсказывает ли это вам, например, — продолжал Браун, — при каких обстоятельствах мог улыбаться отнюдь не беззащитный господин непосредственно перед тем, как ему перерезали горло?

Несколько секунд спустя они шли темным коридором в задней части дома и вскоре оказались во внутренней комнате; скудный свет проникал в нее из следующего помещения, да поблескивало запыленное, треснувшее зеркало. Тут стоял зеленый полумрак, как на дне озера, но все же можно было разглядеть нехитрые парикмахерские инструменты и панически бледное лицо парикмахера.

Глаза отца Брауна обшарили комнату, которую, видно было, незадолго перед тем тщательно вычистили и прибрали, и наконец напали на нечто в пыльном углу за дверью.

Там висела шляпа, белая шляпа, столь хорошо знакомая всем в деревне. И тем не менее, всегда приметная на улице, здесь она казалась одной из тех мелких вещей, о которых иные люди порой совершенно забывают, когда старательно выскрабливают пол и уничтожают испачканные тряпки.

— Сэр Артур Водри, полагаю, брился здесь вчера утром, — ровным голосом произнес отец Браун.

На парикмахера, низенького лысого человечка в очках, по фамилии Уикс, внезапное появление двух посетителей из глубины его собственного дома произвело такое впечатление, словно это два призрака восстали из склепа под полом.

Но страх его, очевидно, имел причиной не только причуды суеверия. Он съежился и, если можно так выразиться, вжался в темный угол; и все в нем как-то сразу стало невидным, кроме огромных, как глаза домового, очков.

— Скажите мне одно, — спокойно продолжал священник. — У вас были причины ненавидеть сквайра?

Человечек в углу пролепетал что-то, чего Смит не расслышал, но священник кивнул.

— Знаю, что были, — сказал он. — Вы ненавидели его; из этого мне ясно, что вы его не убивали. Ну, расскажете сами, что тут произошло, или

мне рассказать?

Настала тишина, в которой слышалось лишь слабое тиканье часов на кухне; затем отец Браун заговорил:

— Произошло вот что. Мистер Дэлмон, войдя с улицы в вашу дверь, спросил каких-то сигарет, выставленных в витрине. Вы на секунду ступили за порог, как делают торговцы, чтобы посмотреть, на что он показывает. И в этот момент он увидел во внутренней комнате бритву, которую вы отложили, и седую голову сэра Артура на спинке кресла: на них, вероятно, как раз падал свет из того оконца в глубине.

В одно мгновение он успел схватить бритву, полоснуть ею сквайра по горлу и вернуться к прилавку. Несчастный даже не всполошился, когда увидел руку с бритвой. Он умер, улыбаясь своим мыслям. О, что это были за мысли! Сам Дэлмон тоже мог не тревожиться. Он проделал все быстро и тихо — даже мистер Смит, стоявший на улице, поклялся бы в суде, что они не расставались ни на минуту. Причина для тревоги была только у одного человека — у вас. Вы не ладили с помещиком из-за задолженности по ренте и еще из-за чего-то, и вот вы обнаруживаете, что ваш недруг зарезан у вас в лавке вашей же собственной бритвой. Вполне понятно, вы пришли в отчаяние от того, что вам не отмыться от обвинения, и решили, пока не поздно, смыть пятна с пола, а тело ночью бросить в реку, положив его в картофельный мешок; только вы плохо завязали его. Хорошо еще, что в определенные часы ваша парикмахерская закрывается, и у вас было достаточно времени. И вы ничего как будто не забыли — кроме вот этой шляпы... Однако не бойтесь: я забуду все, в том числе и о шляпе, — закончил он и как ни в чем не бывало вышел на улицу. Смит, пораженный до глубины души, последовал за ним, а парикмахер лишь глядел оторопело им вслед.

— Понимаете ли, — сказал отец Браун своему спутнику, — это тот случай, когда побудительный мотив слишком слаб, чтобы обвинить человека, но слишком силен, чтоб оправдать. Такой робкий и нервный человек не способен убить сильного и решительного из-за каких-то денежных дрызг.

Но именно такой человек будет смертельно бояться, как бы его не обвинили в этом... Да что говорить, у настоящего виновника мотив был уж куда более серьезный!

Он погрузился в размышления, почти пристально глядя в пустоту перед собой.

— Какой ужас, — простонал Ивен Смит. — Всего час-два назад я клеймил Дэлмона как подлеца и шантажиста, но все же не укладывается в

голове, что он совершил такое.

Священник все еще был словно в трансе, как человек, заглянувший в пропасть. Наконец его губы дрогнули, и он пробормотал скорее как молитву, нежели как проклятие:

— Всемиловейший Господь! Какая ужасная месть!

Его спутник что-то спросил, но он продолжал говорить как бы про себя:

— Сколько же тут было ненависти! Какое жестокое возмездие одного смертного червя другому! Возможно ли проникнуть до дна в бездонное человеческое сердце, в котором могут таиться столь чудовищные страсти! Упаси нас, Господи, от гордыни, но не мне постичь такую ненависть и такое возмездие.

— Да, — вставил Смит, — мне так и вообще не постичь, зачем он убил Водри. Если Дэлмон — шантажист, то ведь куда естественнее было бы для Водри убить его. Конечно, это, как вы сказали, ужасная месть, но...

Отец Браун заморгал, будто проснувшись, и торопливо возразил:

— Ах, вы об этом! Нет, я говорил о другом. Я имел в виду не убийство в парикмахерской, когда... ну, когда ужаснулся возмездию. Тут было кое-что другое, пострашнее, хотя, конечно, и это убийство тоже достаточно страшно. Но это-то постичь гораздо легче: почти каждый способен на такое. Это ведь была, собственно, почти что самозащита.

— Что?! — не поверил своим ушам секретарь. — Человек подкрадывается к другому сзади и перерезает ему глотку, когда тот беззаботно улыбается в потолок, сидя в кресле у парикмахера, и вы называете это самозащитой!

— Я не утверждаю, что это оправданная мера самозащиты, — отвечал священник. — Но многие пошли бы на это, чтобы защитить себя, столкнувшись с вопиющей подлостью, которая сама по себе тоже вопиющее преступление. Об этом-то, другом преступлении, я сейчас и думал. Начать с вопроса, которым вы задались, — ну зачем бы шантажисту убивать? Видите ли, тут целая куча превратных мнений и привычного смешения вещей. — Он помолчал, точно приводя в порядок мысли после недавнего смятения, и продолжал обычным тоном: — Вы видите, что двое мужчин, старый и молодой, завязывают дружбу и строят матримониальные планы; но причина их дружбы темна и кроется в прошлом.

Один из них богат, другой — беден, и вы подозреваете шантаж. Что ж, покамест вы правы. Но вы неверно решаете, кто шантажирует кого. Вы предполагаете, что бедный шантажирует богатого. На самом деле богатый шантажировал бедного.

— Но это же нелепость! — возразил секретарь.

— Это гораздо хуже, чем нелепость, но ничего необычного тут нет. Политика наших дней наполовину состоит в том, что богачи шантажируют народ. Ваше мнение, что это — нелепость, основано на нелепых же иллюзиях. Одна из них — это что богатые не хотят стать богаче; другая — что шантажировать можно только из-за денег. В нашем случае деньги не играют роли. Сэр Артур Водри искал не корысти, а мести. И он замыслил самую отвратительную месть, о какой я только слышал.

— Но за что бы ему мстить Джону Дэлмону? — спросил Смит.

— Он мстил не Джону Дэлмону, — сумрачно отвечал священник.

Какое-то время они молчали; затем отец Браун опять заговорил, но как будто о другом:

— Помните, когда мы обнаружили тело покойного, его лицо оказалось перед нами в перевернутом виде. Вы тогда еще сказали, что у него лицо сущего дьявола. А не приходило ли вам в голову, что убийца тоже увидел это лицо перевернутым, когда подошел к креслу?

— Мало ли что скажешь, когда ты не в себе, — воспротестовал его спутник. — Уж очень я привык видеть его лицо как следует.

— А вы, может, никогда и не видели его как следует, — ответил на это Браун. — Я же рассказывал вам, что художники ставят картину как не следует, если хотят как следует ее рассмотреть. Может быть, в эти десять лет за завтраком и чаем вы просто привыкли видеть лицо дьявола?

— К чему это вы ведете? — нетерпеливо отца Брауна прервал Смит.

— Я выражаюсь иносказательно, — сумрачно пояснил Браун. — Разумеется, сэр Артур не дьявол в буквальном смысле. Он был человеком, и характер его от природы таков, что мог бы обратиться и к добру. Но вспомните его вытаращенные подозрительные глаза, его плотно сжатые и постоянно вздрагивающие губы; они многое могли бы вам сказать, если бы вы не настолько привыкли видеть их.

Знаете, есть больные, у которых на теле раны не заживают. Такова была душа сэра Артура. Она была как бы лишена кожи; он страдал лихорадочной самолюбивой настороженностью. Его недоверчивые глаза были неусыпно на страже его достоинства. Чувствительность — это не обязательно эгоистичность. Сибилла Грей, например, тоже не толстокожа, однако ей удастся быть при этом чуть ли не святой.

Но у Водри эта черта характера обратилась пагубной для него гордостью, гордостью, которая даже не могла дать ему защиты и самоуспокоения. Любая царапина на поверхности его души превращалась в гнойную рану. Вот чем объясняется тот случай с избиением египтянина в

свинарнике. Если бы он избил его сразу, когда его назвали свиньей, это было бы понятной вспышкой гнева. Но там не было свинарника — в этом-то все и дело. Водри много лет помнил это глупое оскорбление, пока ему не удалось невероятное — добиться приезда своего обидчика на усадьбу с хлевом, и тогда он отомстил, как он считал, справедливо и артистично. Ничего не скажешь, он любил, чтобы месть была справедливой и артистичной.

Смит с любопытством поглядел на него:

— А ведь вы сейчас думаете не об истории со свинарником.

— Да, — ответил отец Браун, — я думаю о другом. — Он подавил дрожь в голосе и продолжал: — Памятуя о том фантастическом и терпеливом замысле мести, достойной оскорбления, обратимся теперь к нашей истории. Не припомните ли вы, чтобы кто-нибудь еще оскорбил Водри или же дал повод считать себя смертельно оскорбленным? Конечно!

Его оскорбила женщина.

В глазах Ивена забрезжил смутный ужас; он напряженно слушал.

— Девушка, почти девочка, отказала ему, потому что он совершил в свое время нечто вроде преступления. Он пробыл некоторое время в тюрьме за избиение египтянина. И тогда, в отчаянии, этот обезумевший человек сказал себе:

«Так пусть она станет женой убийцы».

Они шли берегом реки к усадьбе. Некоторое время они молчали, а затем отец Браун заговорил снова:

— Водри имел возможность шантажировать Дэлмона потому, что тот когда-то совершил убийство. Может быть даже, он знал и о каких-нибудь других преступлениях удалых товарищей его юности. Вероятно, это было какое-то шальное преступление — ведь шальные убийства совсем не самые худшие. А Дэлмон, по-моему, все-таки способен на раскаяние, даже и в убийстве Водри. Но он был во власти Водри, и они, действуя сообща, очень ловко опутали девушку сватовством, как сетью: один стал ухаживать за нею, а другой великодушно поощрял их. Но Дэлмон и сам не знал — это было открыто лишь сатане, — что на уме у старика.

— И вот несколько дней назад Дэлмон сделал страшное открытие: он оказался орудием чужой воли, его использовали, а теперь, как выяснилось, собирались сломать и выкинуть.

Он наткнулся в библиотеке на какие-то бумаги Водри, из которых, хотя это и не было сказано прямо, понял, что готовится донос в полицию. Ему стал ясен весь адский замысел старика, и он остолбенел так же, как я, когда догадался о нем.

Немедленно после венчания жених был бы арестован и затем повешен. Щепетильная невеста пренебрегла тем, кто побывал в тюрьме, и вышла бы за того, кому дорога на эшафот. Вот каким образом сэр Артур Водри собирался артистично подвести черту под этой историей.

Ивен Смит, смертельно бледный, молчал. А тем временем вдали на дороге показалась высокая фигура и широкая шляпа доктора Эббота, который приближался к ним, и даже издали заметно было, что он сильно взволнован. Но они и сами еще не оправились от потрясения явленным им страшным откровением.

— Вы говорите, что ненависть отвратительна, — нарушил молчание Ивен. — И знаете, одно, по крайней мере, отрадно для меня. Вся моя ненависть к несчастному Дэлмону улетучилась теперь, когда я узнал, как он дважды стал убийцей.

Они шли в молчании, пока не встретились с доктором, который как бы в отчаянии размахивал на ходу своими длинными руками в перчатках; седую его бороду всю трепал ветер.

— Ужасная новость! — сказал он. — Найдено тело Артура. По-видимому, смерть настигла его в саду.

— Боже мой! — как-то механически проронил отец Браун. — Как страшно!

— Это еще не все, — задыхаясь, продолжал доктор, — Джон Дэлмон уехал, чтобы встретить Вернона Водри, племянника Артура, но тот его и в глаза не видел. Похоже, что теперь исчез и Дэлмон.

— Боже мой! — пробормотал отец Браун. — Как странно...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)